

Кирилл Осповат

Руины: русская филология ввиду катастрофы

Kirill Ospovat

Ruins: Russian Philology in the Face of Catastrophe

Кирилл Осповат (Университет Висконсина в Мэдисоне, Департамент германских, скандинавских и славянских языков и литератур, доцент; кандидат филологических наук) ospovat@wisc.edu.

Kirill Ospovat (PhD; Associate Professor, Department of German, Nordic, and Slavic, University of Wisconsin-Madison) ospovat@wisc.edu.

Ключевые слова: русская филология, деколонизация, критическая теория

Key words: Russian philology, decolonization, critical theory

УДК: 82.01/.09

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_340

UDC: 82.01/.09

DOI: 10.53953/08696365_2024_188_4_340

Статья задается вопросом о месте русской филологии как дисциплины ввиду разворачивающейся катастрофы, о политике филологического метода в прошлом и будущем и очерчивает потенциальную модель эмансипаторного литературоведения. Предлагаемая аргументация отправляется от критики понятия культуры как сопутствующего насилию и угнетению. Вслед за тем очерчиваются консервативные представления о классическом наследии, увязывающие культуру с империей и имперским политическим воображаемым. После этого описывается иная, народническая традиция понимания литературы и филологии как «службы понимания», работающей в интересах обделенных. Эта традиция корреспондирует и с иным, демократическим и республиканским пониманием поэзии и памяти в украинской традиции. В заключении статьи очерчиваются некоторые категории для народнической и антиимперской филологии будущего.

The article addresses the place of Russian philology as a discipline in view of the unfolding catastrophe and its politics in the past and the future, outlining a potential alternative model for an emancipatory literary criticism. The starting point for my argument is a critique of the notion of culture as concept which consecrates violence and oppression. Accordingly, a conservative vision of classical heritage links culture with empire and the imperial political imaginary. Another tradition of understanding literature and philology, derived from Russian populism understands itself as “service of understanding” working in the interests of the disenfranchised. This tradition corresponds to a democratic and republican understanding of poetry and historical memory in the Ukrainian tradition. In conclusion, the article outlines possible categories for a populist and anti-imperial philology of the future.

В условиях исторической катастрофы критические голоса необходимо задаются вопросом об имперских измерениях *русской культуры* [Гулин 2022; Zabužhko 2022]. Этот вопрос, способный вызывать рефлекторное отторжение у русистов, вызывает не только к критике империализма, но и к ревизии понятия *культуры* и той гуманитарной науки — филологии, — для которой это понятие оставалось до сих пор основополагающим. Как и предупреждали критические теоретики от Вальтера Беньямина до Фредрика Джеймисона, за понятием *культуры* слишком часто скрывается жест политической «универсализации» исторического материала, предполагающий «иллюзию существования только одной настоящей “культуры”» и подавление «оппозиционного

голоса» — голоса угнетенных, «по большей части заглушаемого и сведенного к молчанию, вытесненного на периферию, чьи высказывания потерпели сокрушительное поражение» [Джеймисон 2014: 46—47]¹. О соучастии *культуры* в угнетении говорит и формула господствующей исторической памяти из уже хрестоматийных тезисов Беньямина «О понятии истории» (1939), написанных в ответ на торжество нацизма:

Все те, кто вплоть до наших дней выходил победителем, участвуют в триумфальной процессии, которую сегодняшние властители ведут по распростертым телам сегодняшних побежденных. Как положено по традиции, в процессии несут и добычу. Ее называют: культурные сокровища. <...> Не существует ни одного документа культуры, который не являлся бы и документом варварства [Беньямин 2001].

Перенос понятия *варварства* с угнетенных на аппараты власти и *культуру* угнетателей имеет важные импликации и для политической, и для эстетической мысли. Как напоминает А. Эткинд, автор термина «геноцид» Рафаэль Лемкин начал разрабатывать это понятие под «классицизирующим» названием «варварства и вандализма» в связи с украинским голодомором [Etkind 2022]. В сфере теории культуры Беньямину наследует хрестоматийная формула Теодора Адорно «писать стихи после Освенцима — варварство» из эссе «Критика культуры и общество» (1951), где страшная память о преступлениях нацизма диалектически сочетается с критикой послевоенного медиакапитализма, в котором не осталось даже идеологий, «а есть только реклама мира посредством его дублирования и провокационной лжи, которая даже не хочет веры, а требует лишь молчаливого согласия» [Адорно 2018].

Понятое по Беньямину *варварство* составляет сейчас необходимый горизонт рефлексии о российской *культуре* и ее критике [Гулин 2022]. Вопреки влиятельным в сегодняшних — или вчерашних — спорах предрассудкам, эта аргументация не ведет ни к уничтожению культурной сложности, ни к запрету на само понятие *культуры*. Напротив, усложняя это понятие и распознавая в нем диалектику, общую для формы и истории, Беньямин возвращает ремесло историка и филолога в историческое пространство. В этом духе вопрос об историческом месте русской филологии и ее объекта должен быть поставлен на фоне преемственности разворачивающейся катастрофы по отношению к консервативным течениям, которым оппонировал Беньямин, и ее происхождения из «отрицательной революции» 1989—1991 годов [Будрайтскис 2020; Магун 2008]. Выходя за пределы автоматизированного двойного империализма, рассматривающего *русскую культуру* наряду с западными и отказывающего в значении всем остальным, русская филология может обрести важную точку отсчета для собственной деколонизации в украинской литературной и филологической традиции, давно и последовательно рефлектирующей исторический и культурный опыт российской империи с точки зрения угнетенных².

-
- 1 Характерный пример привычно элитистской апелляции к понятию *культуры* в новейших дискуссиях см. в: [Архангельский 2023].
  - 2 Настоящая работа выросла из онлайн-форума, организованного Энн Лоунсбери и артикулировавшего многие из изложенных здесь идей. Материалы форума см. в: *Ab Imperio*. 2022. № 2.

Среди визуальных фигур разворачивающейся катастрофы находится эмблематическая композиция, в которой аллегорическая фигура русской культуры с телом двуглавого орла, узнаваемыми лицами русских писателей и ногами балерины парит над дымящимися развалинами уничтоженного города. Эту эмблему не удастся списать в разряд бьющей мимо цели публицистики: соположение *культуры* и *руин* — осязаемой аллегории массового насилия и разрушения — относится к фундаментальным фигурам модерности как таковой и, в частности, словом поздне- и постсоветской истории [Ruins... 2010]. С руин начинаются — на крайне правом конце политического спектра — не теряющие страшной актуальности стихи Бродского, наиболее канонизированного из русских поэтов эпохи распада СССР, «На независимость Украины» (1994):

Дорогой Карл Двенадцатый, сражение под Полтавой,
слава Богу, проиграно. Как говорил картавый,
время покажет — кузькину мать, руины,
кости посмертной радости с привкусом Украины³.

Руины советской империи и Украины оказываются узловой эмблемой истории и *культуры*, понятых под знаком катастрофы. Заимствуя (несколько неожиданно) авторитет и инструментарий геополитической агрессии сразу у двух советских вождей и задавая таким способом координаты для будущей войны с Западом (прямой адресат угроз Хрущева здесь заменен на «гансов с ляхами»), Бродский противопоставляет историческому распаду СССР поэтический мираж имперской вечности, объединяющей его читателей с современниками Северной войны. Иронически мимикрируемый пацифизм предателя-мазепинца («дорогой Карл Двенадцатый») бледнеет перед мифологической неприкосновенностью победы при Полтаве, гарантированной авторитетом упомянутого ниже Пушкина и русской поэзии как таковой. Украина, предстающая у Бродского территорией смерти и поражения украинской нации и ее языка, в колониальной перспективе обретает культурную ценность в качестве *руины* — памятника убийству и разрушению, производящего «посмертную радость» возрожденной империи: славу русского оружия и совпадающей с ней классической поэтической традиции. Эти стихи следуют сценарию полтавского боя у Пушкина, в котором «груды тел» сменяются «прекрасным пиром» Петра, знаменующим победу России над Западом и уничтожение обреченной на забвение Украины; на ее месте остается только воздвигнутый первым императором «огромный памятник себе»⁴. Финальное предсказание Бродского, основывающее величие русской поэзии на истреблении украинской литературы и языка — «будете вы хрипеть, царапая край матраса, / строчки из Александра, а не брехню Тараса» — осуществляет смежное имперское пророчество Пуш-

3 Бродский И. На независимость Украины. Здесь и далее стихотворение цитируется по авторизованному тексту из «Живого журнала» Натальи Горбаневской (запись от 17 мая 2008 года), см.: <https://ng68.livejournal.com/123368.html> (дата обращения: 20.06.2023).

4 Пушкин А.С. Полное собрание сочинений: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. Т. 5. С. 57—65.

кина: его памятник увековечивает политико-лингвистическую колонизацию народов — в том числе польского и украинского — во имя «Руси великой»: «И назовет меня всяк сущий в ней язык, / И гордый внук славян, и финн...»⁵ Именно так пушкинскую строфу толковал будущий идеолог русификации Украины М.Н. Катков:

Множество разнообразных племен, населяющих наше отечество, должны вполне, умственно и нравственно, подчиниться русской народности, как подчинены они теперь Российскому государству. Для этих племен русская народность есть единственный путь к человеческому образованию, и они «назовут имя Пушкина»⁶.

Недавний информативный комментарий Евгения Брейдо к стихам «На независимость Украины», опубликованный в «Новом литературном обозрении» в сопровождении нескольких откликов, защищает Бродского от упреков в имперстве, указывая на сложность поэтической техники и коммуникативной ситуации стихов «На независимость Украины» [Фанайлова и др. 2023: 240—241; Брейдо 2023]. Аргументация такого рода предполагает сущностное противоречие между культурной сложностью и нелиберальной политикой, между *империей* и *культурой*. Бродский между тем многократно артикулировал свою принадлежность к хорошо разработанной традиции, настаивавшей на их родстве [Тугома 2010]. Отвечая в 1988 году на колонизаторское презрение Бродского к литературам оккупированных СССР стран Центральной Европы, Чеслав Милош ставил ему в вину введение слова «империя» в поэтический язык⁷. В стихах «На независимость Украины» геополитический ресентимент переплетен с консервативной идеологией *культуры* и филологии как знания о ней. Евгений Брейдо прав в том отношении, что сопоставление поэзии Пушкина и Шевченко диктуется в стихах Бродского не столько личными пристрастиями поэта-читателя, сколько логикой многоголосной (пост)имперской общности [Брейдо 2023: 230] (см. также: [Лекманов 2023]). Ей соответствует ученая типология поэтических традиций, чье величие происходит из истории государств. Такой взгляд, ассоциируемый с классической филологией и *классицизмом*, суммируется понятием о *классике* как имперском каноне, составляющем предмет и оправдание филологического знания.

В русском литературоведении эту перспективу красноречиво артикулировал Л.В. Пумпянский, знаток и апологет *классицизма* как союза между поэзией и империей. Его разбор пушкинского «Памятника» (1923), опубликованный в 1977 году, черпает эвристическую точность из совпадения имперского восторга поэта и исследователя. Рассматривая фигуру памятника у Горация, Пумпянский выводит работу филологии из актов завоевания и разрушения, порождающих имперскую вечность:

5 Там же. Т. 3. С. 424.

6 Катков М.Н. Пушкин // Русская эстетика и критика 40—50-х годов XIX в. М.: Искусство, 1982. С. 398.

7 Лиссабонская конференция по литературе. Русские писатели и писатели Центральной Европы за круглым столом // Звезда. 2006. № 5 (<https://magazines.gorky.media/zvezda/2006/5/lissabonskaya-konferenciya-po-literature-russkie-pisateli-i-pisateli-centralnoj-evropy-za-kruglym-stolom.html> (дата обращения: 20.06.2023)). См. об этой встрече блок статей под редакцией Дирка Уффельмана: Zeitschrift für Slavische Philologie. 2016. Bd. 72. № 1.

...падшие цивилизации, камни Египта, Междуречья, Африки — вот образы погибших царств; римляне относительно них скорее в роли англичан в Индии: ученые властители-знаоки; отсюда такое знание всей науки о разрушении камня. <...> Итак, тема предполагает глубокий исторический опыт империалистического народа, владеющего землями бывших великих царств... <...> Действительно, тема о величии поэзии только в великом государстве и может быть поставлена; великое же государство предполагает себя вечным и прошлые катастрофы считает не связывающими его: недаром оно есть Империя [Пумпянский 2000: 200—201].

Аффектированная брань стихов «На независимость Украины», воспроизводящая с пародическим сдвигом геополитический восторг классической оды, вписывает судьбы России и Украины в те же горизонты имперской вечности колонизаторов: «время покажет — кузькину мать, руины». В более ранних стихах Бродского имперский филологизм (опиравшийся, в частности, на культурный консерватизм Т.С. Элиота) сопровождался меланхолией, характерным аффектом позднесоветского времени (см.: [Киршбаум 2016; Lounsbury 2022; Турина 2010]). Эта меланхолия разыграна в «Письмах римскому другу» (1972):

Вот и прожили мы больше половины.
Как сказал мне старый раб перед таверной:
«Мы, оглядываясь, видим лишь руины».
Взгляд, конечно, очень варварский, но верный⁸.

«Письма римскому другу» в первую очередь читаются как модель приватности — интеллигентской? диссидентской? эмигрантской? — будто бы вынесенной за пределы политического. Эта позиция локализована, однако, в империи и вписана в ее координаты: добровольность отдаления от *цезаря* и дружеское соседство с *наместником-ворюгой* подчеркиваются контрастом между комфортной автономией протагониста и не столь завидным положением *раба-варвара*. Появлением этой фигуры маркируется напряжение между приватной и имперской приуроченностью поэтического акта и *культуры* вообще. Кружковое *мы* первого стиха — избранное общество поэта и его *свободных* адресатов, наделенных стоицистским политическим скепсисом и филологическим интересом к Старшему Плинию и псевдо-Марциалу, — расширяется при виде *раба* до имперской общности, *мы* рабов и господ. Империя обретает свою идентичность в созерцании *руин*, в котором «варварский взгляд» оказывается основополагающим жестом *культуры* [Schönle 2011: 183—193]. Такого рода имперское переживание собственного исторического времени — сказывающееся, например, в панегирике Бродского Жукову как современному «Велизария или Помпею» — разворачивается параллельно с поэтической инсценировкой филологического комментария, воскрешающего вокруг классических литературных имен жизненные миры давнопрошедших колониальных деспотий.

Руины оборачиваются многослойным символом, обозначающим отношения субъекта с собственным временем, историческим прошлым и литературной *классикой*. Переживание всеобщей и уравнивающей смертности сталки-

8 Бродский И. Сочинения: В 7 т. / Общ. ред. Я.А. Гордин; сост. Г.Ф. Комаров. СПб.: Пушкинский фонд, 1997. Т. 3. С. 11.

вается с напоминанием о воплощенных в фигуре раба структурах угнетения и становится формулой любой имперской истории: *руины* из «Писем римскому другу» можно понять, например, как публицистическую аллегория катастроф, принесенных советской властью. Будучи вменен культурному субъекту (автору и его читателю), жест созерцания руин расширяется до меланхолического взгляда на всеобщую историю культуры, увиденную под знаком Римской империи и ее классической поэзии в момент одновременно расцвета и упадка. Эта форма меланхолии имела отчетливые политические измерения и восходила к языку немецкой «консервативной революции» начала XX в. Протагонист Бродского заимствует оптику Освальда Шпенглера, предлагающего созерцать «с безвременной высоты, взором, устремленным на тысячелетия мира исторических форм» процесс падения Запада, смену аристократической *культуры* массовой и коммерческой *цивилизацией*, определяющую историю XX века и уже случившуюся в Античности, «где триумвир Красс был всемогущим спекулянтom земельными участками», а «римский народ, перед которым даже на расстоянии трепетали галлы, греки, парфяне, сирийцы, в неимоверной нищете ютился в густонаселенных многоэтажных домах неосвещенных предместий и обнаруживал полное равнодушие или своего рода спортивный интерес к успехам милитаристической экспансии» [Шпенглер 1998: 167].

Филологически оснащеному наблюдателю остается только поза культурной ностальгии, вынесенная как будто за пределы политической актуальности, но переплетенная с фундаментальным недоверием *к народу* и классическим почитанием империи, эстетизирующим под названием *культуры* запечатленное в *руинах* завоевательное насилие. Еще один адепт «консервативной революции», Э.Р. Курциус, чей труд «Европейская литература и латинское средневековье» (1948) занимал профессиональное воображение российской филологии задолго до появления новейшего перевода, видел целью филологической работы защиту *культуры* и *образования* (Bildung) — то есть «интеллектуальной традиции Европы, уничтоженной катастрофами» (вторжениями масс в духовную жизнь, от Реформации до революции). *Культура* в этой перспективе понимается как язык «монархических и католических институтов», задающих раз и навсегда «связь между народом и властью в государстве» — то есть как фантазматический лексикон ушедшей в прошлое всемирной латинско-немецкой империи, служившей образцом для рейхов Новейшего времени [Курциус 2020: 11–66, 249–250].

II

«Письма римскому другу» инсценируют моделирующую роль поздне- и постсоветской филологии, ее способность предлагать читателям и обществу определенный тип культурной субъектности и политического аффекта, укорененный в специфических формах исторической памяти и переживания истории. Имперская меланхолия стихов Бродского созвучна, например, выкладкам М.Л. Гаспарова, чье вышедшее двумя годами раньше предисловие к сборнику римского поэта именовалось «Гораций, или золото середины», восстанавливало историческую картину раннего принципата и не без шпенглеровского скептицизма оспаривало автоматическое представление о том, что «всякая республика — благо, а всякая монархия — зло» [Гаспаров 1970: 31]. Однако воз-

зрения Гаспарова, признанного российским филологическим цехом арбитром научного вкуса, далеко не тождественны имперскому классицизму Бродского.

Вопреки устойчивой репутации Гаспарова как образцового носителя эскапистски-антикварного научного этоса, его высказывания о политике филологии с перестроечных времен и до его смерти в 2005 году настаивают на актуальных функциях гуманитарного знания: «...гуманитарная наука не может быть только хранилищем культурной памяти, она должна представлять себе те запросы ближайшего будущего, на которые эта память откликается». В начале XXI века это, среди прочего, «проблема экологического равновесия» и «глобальный социальный раскол» [Гаспаров 2023: 486]. Кроме того, русская культура и филология должны отвечать на кризис и распад СССР, в котором Гаспаров видит необходимое событие «деколонизации» [Там же: 14]. В своем профессиональном манифесте, статье «Филология и нравственность» (1979, 2001), Гаспаров выводит работу филологии из той же темпоральности исторических разрывов, на которую опирается филологизм Бродского:

Филология — наука понимания. Слово это древнее, но понятие — новое. В современном значении оно возникает в XVI—XVIII вв. Это время, когда складывалась основа мышления современных гуманитарных наук — историзм. Классическая филология началась тогда, когда человек почувствовал историческую дистанцию между собою и предметом своего интереса — античностью. <...> Эти знания и стала давать наука филология. А за классической филологией последовали романская, германская, славянская; за филологическим подходом к древности и средневековью — филологический подход к культуре самого недавнего времени; и все это оттого, что с убыстряющимся ходом истории мы все больше вынуждены признавать близкое по времени далеким по духу [Там же: 214—215].

Позиция филолога и его аудитории определена меланхолическим опытом все более стремительного разрыва времен, отсчитываемого от вечно завораживающей классической античности. Вместе с тем под «убыстряющимся» — а в его же статье начала 1990-х уже «обычным» — ходом истории имеются в виду катастрофы XX века, и в первую очередь (если иметь в виду вторую область научных интересов Гаспарова) революция 1917 года, разорвавшая культурную преемственность между поэтами Серебряного века и читателями брежневской эпохи и вызвавшая к жизни трагическую необходимость комментария. По словам Ильи Кукулина, «в советскую эпоху комментарий — не всегда, но значимо часто — исходил из неявной оценки тогдашнего советского бытия как неподлинного, а дореволюционного опыта как подлинного» [Комментарий... 2004: 119]. Эта логика могла бы привести к эстетизирующе-меланхолической идеализации империи Романовых, «ностальгии по 1913 году», до сих пор объединяющей многих критиков российской власти с ее адептами. Однако рассуждение Гаспарова разворачивается совсем в ином направлении:

Каждая культура строит свое настоящее из кирпичей прошлого, каждая эпоха склонна думать, будто прошлое только о том и заботилось, чтобы именно для нее поставлять кирпичи. Постройки такого рода часто разваливаются: старые кирпичи выдерживают не всякое новое применение. Филология состоит на такой стройке чем-то вроде ОТК, проверяющего правильное использование материала. Филология изучает эгоцентризмы чужих культур, и это велит ей не поддаваться своему собственному: думать не о том, как создавались будто бы для нас культу-

ры прошлого, а о том, как мы сами должны создавать новую культуру [Гаспаров 2023: 217].

Исторический взгляд, направленный за линию катастрофического слома, вновь упирается в *руины*, однако находит среди них путь в будущее. Отвергая антикварно-ресторативный взгляд на прошлое («осаживать назад бесконечно — нельзя»), Гаспаров настаивает на том, что «поиски пути вперед стали нашей задачей», и заявляет о близости своей филологической программы — которую он в работе «Бахтин в русской культуре XX века» (1979) связывает с именем Бахтина — революционному пафосу 1920-х годов с их «социальной революцией» и «попыткой прорваться в культуру будущего — “мы наш, мы новый мир построим”» [Там же: 409, 672]. Из этой демократической утопии филология черпает свою нужность: «наука понимания» существует как средство против эгоцентризма и «национального эгоизма» [Там же: 212], неспособности услышать и понять Другого. В статье 2005 года Гаспаров опознает угрозу грядущей катастрофы в дефиците «взаимопонимания и взаимоуважения человеческих обществ и культур», проявляющемся и в ненависти к чужому, и в агрессивной апроприации сходного — и призывает на помощь «гуманитарную науку, вооруженную историзмом» [Там же: 486]. Формулировки Гаспарова указывают в том же направлении, что и рассуждения Эдварда Саида, связывающего работу филологии (и, в частности, «Мимесис» Э. Ауэрбаха) с антиимперским интернационализмом и демократической критикой разрушительно-нарциссического современного порядка [Saïd 2003].

Поиском путей к демократической утопии и осознанием ее хрупкости в исторической темпоральности катастроф, сочетанием оптимизма и пессимизма (см.: [Гаспаров 2012: 51]) филолог Гаспарова напоминает историка-антифашиста из прославленного фрагмента тезисов Беньямина:

У Клее есть картина под названием Angelus Novus. На ней изображен ангел, который выглядит как будто он собирается удалиться от чего-то, во что он пристально вглядывается. Его глаза вытаращены, рот раскрыт, крылья распахнуты. Так должен выглядеть ангел истории. Его лик обращен к прошлому. Где нам видится цепь событий, там он видит одну единственную катастрофу, которая беспрерывно громоздит обломки на обломки и бросает их ему под ноги. Ангел может и хотел бы остаться, разбудить мертвых и восстановить разрушенное. Но из рая дует ураганный ветер, который поймал его крылья с такой силой, что ангел уже не может их сложить. Этот ураган неудержимо несет его в будущее, к которому он обращен спиной, в то время как гора обломков перед ним растет в небо. Этот ураган и есть то, что мы называем историей [Беньямин 2001].

Историческое познание здесь, как и у Гаспарова, определяется исторической силой катастроф и разрывов. Право-консервативной меланхолии Шпенглера зеркально соответствует у Беньямина левая меланхолия — траур по демократическим утопиям, уничтоженным вечно торжествующими, ведущими к нацизму силами правящих классов [Traverso 2016]. Работа историка состоит в том, чтобы сохранять — то есть интерпретировать — прошлое во имя демократической потенции: «Только тот историк сможет вдохнуть искру надежды в прошлое, который твердо знает, что даже мертвых не оставит в покое враг, если он победит» [Беньямин 2001]. (Так Бродский в «Письмах римскому другу» дает слово историческому рабу-варвару лишь затем, чтобы тот удостоверил

разрушительную мощь имперского времени.) Беньямин противопоставляет свой подход, который он именует историческим материализмом, позитивизму Ранке: «выразить прошлое исторически не означает узнать его “таким, каким оно было в действительности”», поскольку метод «вчувствования» в прошлое (Einfühlung), игнорирующий его релевантность для будущего, есть форма «праздности сердца» (acedia), консервативной меланхолии и политической апатии, укорененной в вечном сочувствии исторического позитивизма победителям [Там же].

Хотя научный пафос Гаспарова прямо наследует позитивизму Ранке, его политическая подкладка оказывается вывернута. Защищая историзм от анахронизма, Гаспаров, подобно Беньямину, противостоит диктату господствующего самодовольного вкуса, фокусируя исторический взгляд на проигравших: «Было сказано, что в картинах Рубенса мы ценим не только его труды, но и труды всех тех бесчисленных художников, которые не вышли в Рубенсы. Помнить об этом — нравственный долг каждого, а филолога — в первую очередь» [Гаспаров 2023: 217]. Или, как говорит Беньямин, «все без исключения культурные сокровища... существуют благодаря не только усилиям великих гениев, создавших их, но и безымянному подневольному труду их современников» [Беньямин 2001]. Известный афоризм Гаспарова из статьи «Критика как самоцель» (1994) — «душевный мир Пушкина для нас такой же чужой, как древнего ассирийца или собаки Каштанки» [Гаспаров 2023: 231] — прочерчивает траекторию филологического понимания от канонизированного классика недавней эпохи к безымянному подданному давно исчезнувшей империи и, наконец, к фигуре абсолютной инаковости: лишенная речи, но наделенная личностью собака столяра Каштанка обитает в узнаваемо-модерных городских пространствах бедности и насилия, которым Чехов и Гаспаров противопоставляют литературное воображение и филологическую герменевтику как нравственный императив действенного сочувствия обделенному Другому. Гаспаровское определение филологии совпадает с его формулой народничества XIX века, сказавшегося и в «Каштанке»: «...человек видит чужое несчастье, примеривает на себя, пытается прочувствовать и обращает свое чувство к ближнему» [Гаспаров 2023: 199].

III

Гаспаров, вместе с такими фигурами, как Ю.М. Лотман и М.О. Чудакова, принадлежал к (пост)диссидентской филологии, исходящей из фундаментально-критического отношения к репрессивно-империалистической государственности. С этой критической установкой в российском литературоведении последних десятилетий конкурировали и другие: эксплицитный националистический ресентимент, заметный за пределами столичных научных центров и кружков, и то, что сам Гаспаров называл «солипсической филологией», которая «замечает те книги, которые хочет, и не замечает тех, каких не хочет» [Там же: 231]. Возобновлению политико-критического потенциала российской филологии и одновременно расширению ее сферы обзора и продуктивному сдвигу точки зрения может способствовать не только возвращение к русской демократически-народнической мысли, но и обращение к не совсем чуждой ей украинской поэтической и филологической традиции. Нижеследующие со-

ображения об этой традиции не претендуют на самостоятельность, но призваны в первом приближении резюмировать в интересах российской дискуссии — с опорой на украинские голоса, услышанные слишком поздно — некоторые базовые моменты украинского антиимперства, продуктивные для деколонизальной ревизии российской филологии.

Для утверждения русской *классики* Бродскому, вслед за колониальным жестом пушкинского «Памятника», необходимо упразднить украинскую поэзию и нацию, которой она адресована: «будете вы хрипеть, царапая край матраса, / строчки из Александра, а не брехню Тараса». Близорукость этого пророчества объясняется слепым пятном, стоящим за понятием *брехни*: так отмечается не столько просторечный стиль «мужицкого поэта» Шевченко (стихотворение Бродского несравнимо грубей), сколько демократическая модель поэзии и языка. Действительно, Шевченко и опирающаяся на него украинская традиция предлагают радикальную политическую альтернативу культурной парадигме имперского *классицизма*, ассоциирующего поэтический опыт с эстетизацией господства или с таящимся в его тени аристократическим эскапизмом. Эта альтернативная парадигма, заданная поэзией Шевченко и описанная Григорием Грабовичем и Оксаной Забужко под названием «мифа» Украины, не сводится к очередной форме национального эгоизма — Шевченко и его товарищи по украинофильскому Кирилло-Мефодиевскому братству представляли себе федерацию свободных народов — но имеет характер универсалистской революционной утопии [Грабович 1998; Забужко 2009].

Работам Грабовича и Забужко предшествовал манифест украинского диссидента, авторитетного филолога и биографа Шевченко Ивана Дзюбы «Інтернаціоналізм чи русифікація?» (1965) [Дзюба 2005]. Положение Советской Украины осмыслялось здесь в категориях социалистического интернационализма, с одной стороны, и российской имперской истории — с другой. Описывая подавление украинского языка и национального самосознания в УССР, Дзюба с опорой на Маркса и Ленина отказывает позднесоветскому режиму в претензиях на освободительный интернационализм и вменяет ему вместо этого русификаторский партикуляризм, наследующий не революционной традиции, но черносотенному национализму позднеимперской эпохи. Тем самым устойчивые категории дебата об «украинском национализме» полностью инвертируются: российская критика украинского партикуляризма якобы с наднациональных позиций маскирует (пост)имперскую «русификацию», а *украинство*, направленное против имперского господства и солидаризирующееся с иными угнетенными группами — например, в хрестоматийном стихотворении Шевченко «Кавказ» (1845) — оборачивается универсалистским антиимперским проектом.

Дзюба противопоставляет русский имперский национализм взглядам русских писателей и мыслителей XIX века (Тургенева, Герцена, Бакунина и многих других), связанных с радикальной борьбой против имперского режима и оказывавшихся естественными союзниками колонизованных. Среди прочего, Дзюба цитирует выразительную формулировку Герцена о русификации Украины:

С какой стати украинец, например, променяет свою простодушную речь — ту, на которой он говорил на свободных радах, ту, на которой схоронена в его песнях вся история его, — на язык предательского правительства, постоянно обманывавшего Малороссию, на язык той преступной женщины, которая одной рукой вооружала гайдамаков, другой подписывая указы об укреплении казаков за

своими наложниками? <...> Пусть язык наш смое прежде следы подбострастия, рабства, подлых оборотов, вахмистрской и барской наглости — и тогда уже начнет поучать ближних⁹.

Это рассуждение о языке показательно для той демократической поэтико-филологической утопии, которая осталась маргинальной в российской культуре, но вышла на первый план в украинской традиции и, в частности, у Шевченко. Филологизм свойствен Шевченко не меньше, чем Бродскому, но он совсем иного рода: вместо преемственности по отношению к имперской *классике* он ориентирован — как показывает Забужко — на восстановление и культивирование народного языка и украинского *народа* как его утопического, политически уполномоченного субъекта [Забужко 2009: 119—124]. В предисловии к неосуществленному изданию «Кобзаря» (1847) Шевченко описывает свойственное российским элитам и украинскому панству пренебрежение к украинскому языку как невежество, форму исторической амнезии и апатии, отвечающих ситуации деспотизма. Им противостоит филологическое и этнографическое внимание к речи и культурной памяти украинских «мужиков»:

...прочитайте ви думи, пісні, послухайте, як вони співають, як вони говорять меж собою шапок не скидаючи, або на дружньому бенкеті як вони згадують старовину і як вони плачуть, неначе справді в турецькій неволі або у польського магнатства кайдани волочать¹⁰.

Интерес романтической филологии к локальной традиции неотделим у родившегося крепостным Шевченко от универсалистской критики институтов угнетения и революционно-республиканского идеала народной свободы: характерная печаль украинской речи объясняется внятной всем обделенным массам (особенно в эпоху «весны народов» 1848 года) жаждой политического освобождения. «Простодушие», которое вменяет украинцам и их языку Герцен — не недоумие, но свойство той исконной демократии и ее мощного, нетронутого деспотическими ухищрениями языка, которые руссоистская политическая теория и следовавшая ей историография обнаруживали в древних традициях любых обществ.

Филология Шевченко охватывает и историю, и политическую географию, и археологию Украины. Исследователи привлекают внимание к отрывку из написанного по-русски сентиментального травелога Шевченко «Прогулка с удовольствием и не без морали» (1855—1858), где исторический взгляд в очередной раз сосредоточивается на *руинах*:

Что же говорят пыгливому потомку эти частые темные могилы на берегах Днепра и грандиозные руины дворцов и замков на берегах Днестра? Они говорят о рабстве и свободе. ...моя прекрасная, могучая, вольнолюбивая Украина туго начинала своим вольным и вражьем трупом неисчислимые огромные курганы. Она своей славы на поталу не давала, ворага деспота под ноги топтала и свободная, нерастленная умирала. Вот что значат могилы и руины. Не напрасно грустны и унылы ваши песни, задумчивые земляки мои. Их сложила свобода, а пела тяжкая одинокая неволя¹¹.

9 Герцен А.И. Собрание сочинений: В 30 т. Т. 15. М.: Изд. АН СССР, 1958. С. 210.

10 Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів: У 12 т. Т. 5. Київ: Наукова думка, 2003. С. 208.

11 Там само. Т. 4. С. 266.

Оптика повествователя, переходящего — по замечанию Забужко — от отстраненности этнографа и географа к напевной меланхолии украинских дум, подвергает природный ландшафт сложному поэтическому и политико-утопическому означению. *Руины* не только напоминают о бедах прошлого, но и символизируют — для соответствующим образом настроенного взгляда — материально неуловимый, но мощный принцип республиканской свободы и политической добродетели. Эта поэтико-политическая герменевтика руин развернута в классическом стихотворении Шевченко «Чигрине, Чигрине...» (1844), оплакивающим запустение бывшей гетманской столицы:

Чигрине, Чигрине,
Все на світі гине <...>

Розсипаються могили,
Високі могили —
Твоя слава... <...>

Спи, Чигрине, нехай гинуть
У ворога діти,
Спи, гетьмане, поки встане
Правда на сім світі¹².

Меланхолический траур по ушедшему величию оказывается у Шевченко не формулой апатии и конформизма, но наоборот — парадоксальным приемом аффективной мобилизации. Забывший историю Украины читатель мог и не думать про эпоху гетманата при виде Чигириня, но исторический плач Шевченко возвращает республиканскую свободу — и возможность вооруженной освободительной борьбы — в политический горизонт деспотической современности и ее будущего. Именно поэтому логическим финалом стихотворения оказывается пророчество о возвращении на землю социальной правды. Как говорится в другом стихотворении Шевченко о руинах, «Стоїть в селі Суботіві...» (1845):

Церков-домовина
Розвалиться... і з-під неї
Встане Україна.
І розвіє тьму неволі,
Світ правди засвітить,
І помоляться на волі
Невольничі діти!¹³

Г. Грабович очерчивает пронизывающий весь корпус Шевченко революционный миллениаризм и его политические измерения: отвергая любую государственность и власть как формы деспотизма, Шевченко на основе исторической памяти о казачестве создает поэтическую утопию «радикального антидержавного популизма і навіть анархізму» [Грабович 1998: 144]. В «Книге бытия украинского народа» (1847) — составленном Н.И. (М.І.) Костомаровым манифесте

12 Там само. Т. 1. Київ: Наукова думка, 2001. С. 254—256.

13 *Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів: У 6 т. Т. 1.* Київ: Видавництво АН УССР, 1968. С. 307.

Кирилло-Мефодиевского братства — Украина предстала узловым актором грядущего освобождения от империй и вселенски-анархистского упразднения власти как таковой: «Встанет Украина из своей могилы и опять воззовет к братьям славянам, и услышат воззвание ея, и восстанет Славянщина, и не останется ни царя, ни царевича, ни князя, ни графа, ни герцога, ни сиятельства, ни превосходительства, ни пана, ни боярина, ни крестьянина, ни холопа ни в Великий России, ни в Польше, ни в Украине, ни в Чехии, ни у хорутан, ни у сербов, ни у болгар»¹⁴.

IV

Историческое знание, говорит Беньямин, нужно затем, чтобы «сохранить образ прошлого, который неожиданно является историческому субъекту в момент опасности» и «спасти традицию от конформизма, угрожающего покорить ее» [Беньямин 2001]. В случае современной России, по словам Ильи Будрайтского, «деколонизация прошлого — а значит, и настоящего — должна быть связана с пересмотром взгляда на историю народа как на становление государства через бесконечное множество переходов от частей к целому» [Budraitskis 2023]. Российской филологии только предстоит выработать образ прошлого, отличный от имперской мифологии и не спаянный с этосом политической апатии, — беньяминовской *acedia*, — привычным настолько, что он часто воспринимается как условие научности. Если очертания исторического времени филология находит в литературной традиции, то вместо имперской вечности Пушкина и Бродского нам доступна и активистская целеустремленность русского революционного движения, и народнический утопизм Шевченко, обретающего свою аудиторию в горизонтах национального и социального освобождения:

Поховайте та вставайте,
Кайдани порвіте
І вражою злою кров'ю
Волю окропіте.
І мене в сем'ї великій,
В сем'ї вольній, новій,
Не забудьте пом'янути
Незлим тихим словом¹⁵.

Поэтическое бессмертие — или, выражаясь более терминологично, продолжающееся существование (*Nachleben*) литературной традиции, питательная среда филологии и предмет ее трудов — не укореняются в принимаемом с восторгом или меланхолией осязаемом порядке вещей, но резонируют с неоконченной, продолжающейся политической работой освобождения. Обращаясь с политическим призывом от имени прошлого к филологии как исторической памяти о поэзии, Шевченко вменяет ей беньяминовскую «слабую мессианскую силу». Открывающееся историческому материалисту «прошлое несет с собой тайный знак, указывающий на свое освобождение» — несбывшиеся

14 Кирило-Мефодіївське товариство: У 3 т. Київ: Наукова думка, 1990. Т. 1. С. 169.

15 Шевченко Т.Г. Повне зібрання творів: Т. 1—12. Т. 1. С. 371.

надежды на свободу, артикулированные поэтическим и политическим воображением и становящиеся ответственностью новых поколений и их историков [Беньямин 2001].

Обращенный к украинской нации, политико-поэтический голос Шевченко не замирает на границах Украины, но предлагает сценарий эмансипаторной исторической памяти и иным сообществам. Единомышленник Герцена Н.П. Огарев писал в предисловии к сборнику неподцензурной русской поэзии:

Поэзия сделала первый шаг к проявлению областной жизни; Украина проснулась в Шевченке и — лучшее доказательство, как сила обстоятельств влечет к самобытности областей и нераздельности союза, — Шевченко, народный в Малороссии, с восторгом принят как свой в русской литературе и стал для нас родной, — так много было общего в наших страданиях и так самобытность каждого становится необходимым условием общей свободы¹⁶.

Хотя формула «нераздельного союза» с тех пор прочно вошла в репертуар имперского насилия, в словах Огарева можно увидеть не только невольное имперство, но и нечуждый и самому Шевченко поиск утопического «вечного мира», построенного на началах «общей свободы».

Статья Огарева (на которую опирается, например, разработанная Л.Я. Гинзбург теория лирики) может быть понята как продуктивный образец протестной — и эмигрантской — политической филологии. Рассматривая историю литературы в перспективе общественных форм, деспотизма и протеста, Огарев предлагает соответствующий взгляд на художественную форму и ее отношения к аудитории. Отказываясь от эскапистской презумпции сущностной внеположности поэтической формы историческому существованию, Огарев находит основу и функцию поэтического языка в коллективном политическом аффекте:

И кто же может верить, чтобы живое стремление к общественному благу, *лирическая перестройка общественных отношений* (курсив наш. — К.О.) и сопряженные с ними политические ненависти и восторги — были недоступны для художественной формы?¹⁷

Утопические горизонты протеста встречаются здесь с логикой эстетической трансцендентности, ищущей выхода из унылого порядка вещей. Подобно тому, как сфера поэзии не сводится к частным забавам, солидарность с *самобытностью* Украины и дело *общей свободы* понимаются не столько как вопрос личных убеждений (либеральная приватизация политического заводит в тупик), сколько как горизонты существования и мысли *общества* — горизонтальной и протестной политической формы, сущностно отличной от империи с ее салонами и пропагандистским аппаратом и несущей в себе прообраз свободного народа.

В этом зазоре между глухим, подавленным протестом и *общей свободой* как его недостигнутой целью разворачиваются, согласно Огареву, *художественная форма* и *русская литература*, естественным союзником которой становится Шевченко и борющаяся за свою свободу Украина. (Об антивоенном потенциале классической русской литературы и ее перечтений напоминает авторитетная

16 Огарев Н.П. Избранные произведения: В 2 т. Т. 2. М.: Гослитиздат, 1956. С. 501.

17 Там же. С. 452.

украинская феминистка Ирина Жеребкина [Zherebkina 2022].) Сопrotивляясь консервативному пониманию культуры, прочно фиксирующему фактичность господства и самый ход истории, поэзия — не в последнюю очередь поэзия Шевченко — и филологическая герменевтика Огарева показывают, что даже в ситуации по-видимому безнадежного угнетения утопический горизонт свободы поддается распознаванию и активации как динамический, приостановленный или просто скрытый принцип коллективной мысли и действия.

Библиография / References

- [Адорно 2018] — Адорно Т. Критика культуры и общество / Пер. с нем. В. Котелевской // Артгид. 2018. 8 июня (<https://artguide.com/posts/1519> (дата обращения: 19.06.2023)).
- (Adorno T. Kulturkritik und Gesellschaft // Artgid. 2018. June 8 (<https://artguide.com/posts/1519> (accessed: 19.06.2023)). — In Russ.)
- [Архангельский 2023] — Архангельский А. Назвать зло по имени // Перед лицом катастрофы: Сб. статей / Под ред. Н. Плотникова. Berlin: ЛИТ, 2023.
- (Arkhangel'skiy A. Nazvat' zlo po imeni // Pered litsom katastrofy: Sb. statey / Ed. by N. Plotnikov. Berlin, 2023.)
- [Брейдо 2023] — Брейдо Е. Комментарий к стихам Бродского «На независимость Украины» // Новое литературное обозрение. 2023. № 183. С. 223—232.
- (Breydo E. Kommentariy k stikham Brodskogo "Na nezavisimost' Ukrainy" // Novoe literaturnoe obozrenie. 2023. No. 183. P. 223—232.)
- [Беньямин 2001] — Беньямин В. Историко-философские тезисы / Пер. с нем. В. Биленкина // Левая Россия. 2001. № 7 (20) (<http://www.left.ru/2001/7/benjamin.html> (дата обращения: 19.06.2023)).
- (Benjamin W. Über den Begriff der Geschichte // Levaya Rossiya. 2001. Nr. 7 (20). — In Russ.)
- [Будрайтскис 2020] — Будрайтскис И. Мир, который построил Хантингтон и в котором живем все мы. Парадоксы консервативного поворота в России. М.: Циолковский, 2020.
- (Budraytskis I. Mir, kotoryu postroil Khantington i v kotorym zhivem vse my. Paradoksy konservativnogo povorota v Rossii. Moscow, 2020.)
- [Гаспаров 1970] — Гаспаров М.Л. Поэзия Горация // Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания. М.: Художественная литература, 1970. С. 5—38.
- (Gasparov M.L. Poeziya Goratsiya // Goratsiy. Ody. Epody. Satiry. Poslaniya. Moscow, 1969. P. 5—38.)
- [Гаспаров 2012] — Гаспаров М.Л. Филология как нравственность. Статьи, интервью, заметки / Сост. А.М. Зотовой. М.: Фортуна Эл, 2012.
- (Gasparov M.L. Filologiya kak npravstvennost'. Stat'i, interv'yu, zametki / Ed. by A.M. Zotova. Moscow, 2012.)
- [Гаспаров 2023] — Гаспаров М.Л. Собрание сочинений: В 6 т. Т. 6. М.: Новое литературное обозрение, 2023.
- (Gasparov M.L. Sbranie sochineniy: In 6 vols. Vol. 6. Moscow, 2023.)
- [Грабович 1998] — Грабович Г. Поет як міфотворець. Семантика символів у творчості Тараса Шевченка / Перекл. з англ. С. Павличко. 2-е вид. Київ: Часопис «Критика», 1998.
- (Grabowicz G. The Poet as Mythmaker: A Study of Symbolic Meaning in Taras Ševčenko. Kyiv, 1998. — In Ukr.)
- [Гулин 2022] — Гулин И. О войне, насилии, власти и русской культуре // Syg.ma*. 2022. 19 мая.
- (Gulin I. On War, Violence, Power, and Russian Culture / Transl. by A. Morse // e-flux. 2022. May 18 (<https://www.e-flux.com/notes/469328/on-war-violence-power-and-russian-culture> (accessed: 19.06.2023)).)
- [Дзюба 2005] — Дзюба И.М. Интернаціоналізм чи русифікація? Київ: Києво-Могилянська академія, 2005.
- (Dziuba I.M. Internatsionalizm chi rusifikatsiya? Kyiv, 2005.)
- [Джеймисон 2014] — Джеймисон Ф. Марксизм и интерпретация культуры / Пер.

* Включен Роскомнадзором в реестр запрещенных сайтов.

- с англ. М.; Екатеринбург: Кабинетный ученый, 2014.
- (Jameson F. *Marxism and the Interpretation of Culture*. Moscow; Ekaterinburg, 2014. — In Russ.)
- [Забужко 2009] — *Забужко О.* Шевченків міф України. Спроба філософського аналізу. 4-е вид. Київ: Факт, 2009.
- (Zabuzhko O. *Shevchenkiv mif Ukraini. Sproba filosos'kogo analizu*. Kyiv, 2009.)
- [Киршбаум 2016] — *Киршбаум Г.* Экфразы Андрея Тарковского и эстетика меланхолии в эпоху застоя // *Andrej Tarkovskij Klassiker — Klassik — Classic — Classico* / Hrsg. von N.P. Franz. Bd. 1—2. Potsdam: Universitätsverlag Potsdam, 2016. Bd. 2. S. 378—397.
- (Kirschbaum H. *Ekrazy Andreya Tarkovskogo i estetika melankholii v epokhu zastoya* // *Andrej Tarkovskij Klassiker — Klassik — Classic — Classico* / Hrsg. von N.P. Franz. Bd. 1—2. Potsdam, 2016. Bd. 2. S. 378—397.)
- [Комментарий... 2004] — Комментарий: блеск и нищета жанра в современную эпоху (Стенограмма «круглого стола» в рамках XI Лотмановских чтений. Москва, РГГУ, 20 декабря 2003 г.) // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 103—120.
- (Kommentariy: blesk i nishcheta zhanra v sovremennoyu epokhu (Stenogramma "kruglogo stola" v ramkakh XI Lotmanovskikh chteniy. Moskva, RGGU, 20 dekabrya 2003 g. // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2004. No. 66. P. 103—120.)
- [Курциус 2020] — *Курциус Э.Р.* Европейская литература и латинское средневековье: В 2 т. / Пер. с нем. Д.С. Колчигина. Т. 1. М.: ИД ЯСК, 2020.
- (Curtius E.R. *Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter*. Moscow, 2020. — In Russ.)
- [Лекманов 2023] — *Лекманов О.* «Нам» и «нас» в стихотворении Бродского «На независимость Украины» // *Волга*. 2023. № 5. <https://magazines.gorky.media/volga/2023/5/nam-i-nas-v-stihotvorenii-brodskogo-na-nezavisimost-ukrainy.html> (дата обращения: 02.04.2024).
- (Lekmanov O. "Nam" i "nas" v stikhotvorenii Brodskogo "Na nezavisimost' Ukrainy" // *Volga*. 2023. No. 5 (<https://magazines.gorky.media/volga/2023/5/nam-i-nas-v-stihotvorenii-brodskogo-na-nezavisimost-ukrainy.html> (accessed: 02.04.2024).))
- [Магун 2008] — *Магун А.В.* Отрицательная революция: к деконструкции политического субъекта. СПб.: Изд-во Европейского университета, 2008.
- (Magun A. *Negative Revolution: Modern Political Subject and Its Fate After the Cold War*. Saint Petersburg, 2008.)
- [Пумпянский 2000] — *Пумпянский Л.В.* Классическая традиция: Собрание трудов по истории русской литературы. М.: Языки русской культуры, 2000.
- (Pumpyanskiy L.V. *Klassicheskaya traditsiya: Sobra-nie trudov po istorii russkoy literatury*. Moscow, 2000.)
- [Фанайлова и др. 2023] — *Фанайлова Е., Шубинский В., Немцев М., Завьялов С., Недоегло В., Кузьмин Д.* Анкета «Имперский текст в русской поэзии» // Новое литературное обозрение. 2023. № 183. С. 223—232.
- (Fanaylova E., Shubinskiy V., Nemtsev M., Zav'yalov S., Nedeoglo V., Kuz'min D. *Anketa "Imperskiy tekst v russkoy poezii"* // *Novoe literaturnoe obozrenie*. 2023. No. 183. P. 223—232.)
- [Шпенглер 1998] — *Шпенглер О.* Закат Европы: Т. 1—2. М.: Мысль, 1998. Т. 1.
- (Spengler O. *Untergang des Abendlandes: Bde. 1—2*. Bd. 1. Moscow, 1998. — In Russ.)
- [Budraitskis 2023] — *Budraitskis I.* What Kind of Decolonization Do We Need? // *RussiaPost*. 2023. February 1 (<https://russiapost.info/politics/decolonization> (accessed: 01.04.2024)).
- [Etkind 2022] — *Etkind A.* Ukraine, Russia, and Genocide of Minor Differences // *Journal of Genocide Research*. 2022. June 7 (<https://doi.org/10.1080/14623528.2022.2082911>).
- [Lounsbury 2022] — *Lounsbury A.* Introduction to the Forum: How Will Our Scholarship On Nineteenth-Century Russian Culture Change In Response To Russia's War On Ukraine? // *Ab Imperio*. 2022. No. 2. P. 58—62.
- [Ruins... 2010] — *Ruins of Modernity* / Ed. by J. Hell and A. Schönle. Durham: Duke University Press, 2010.
- [Said 2003] — *Said E.* *Humanism and Democratic Criticism*. New York: Columbia University Press, 2003.
- [Schönle 2011] — *Schönle A.* *Architecture of Oblivion: Ruins and Historical Consciousness in Modern Russia*. DeKalb: Northern Illinois University Press, 2011.
- [Traverso 2016] — *Traverso E.* *Left-Wing Melancholia. Marxism, History, and Memory*. New York: Columbia University Press, 2016.
- [Turoma 2010] — *Turoma S.* *Brodsky Abroad: Empire, Tourism, Nostalgia*. Madison, Wis.: University of Wisconsin Press, 2010.
- [Zabuzhko 2022] — *Zabuzhko O.* No Guilty People in the World? Reading Russian Literature // *The Times Literary Supplement*. 2022. 22 April.
- [Zherebkina 2022] — *Zherebkina I.* Does Ukraine Need Russian Culture? // *e-flux*. 2022. July 1 (<https://www.e-flux.com/notes/477795/does-ukraine-need-russian-culture-to-win-the-war-against-russia> (accessed: 27.06.2023)).